

КОНФЛИКТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА: ОБРАЩАЯСЬ К ОПЫТУ ТВОРЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

А. В. Юрьева

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Поступила в редакцию 1 февраля 2024 г.

Аннотация: история изучения феномена пространства имеет давнюю традицию. Такой активный интерес к проблеме позволил сформулировать ряд положений, проясняющих сущность этого феномена. В данной работе делается попытка расширить понимание конфликтного пространства на примере топоса Санкт-Петербург, через определение ряда оппозиций («природа и цивилизация», «новое и старое» и др.). В качестве доказательной базы используются литературные источники, в которых фигурирует конкретный город.

Ключевые слова: пространство, восприятие, конфликт, Санкт-Петербург.

Abstract: the history of studying the phenomenon of space has a long tradition. Such an active interest in the problem allowed us to formulate a number of provisions clarifying the essence of this phenomenon. In this paper, an attempt is made to expand the understanding of the conflict space on the example of the topos of St. Petersburg, through the definition of a number of oppositions («nature and civilization», «new and old» and others). Literary sources featuring a specific city are used as an evidence base.

Key words: space, perception, conflict, St. Petersburg.

Пространственный опыт является основой понимания человеком мира, его первичным экзистенциальным знанием, отчего изучение феномена пространства не теряло своей актуальности на протяжении всего периода развития науки. Интерес различных дисциплин к проблеме пространства выразился в обширных и разносторонних исследованиях, начиная от философского его осмысления, заканчивая искусствоведческими изысканиями.

Если говорить конкретно, то существенный вклад в философско-антропологическое понимание пространственной категории был привнесен благодаря работам М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Э. Кассирера, М. Фуко, Ж. Батая и других авторов. Для теории литературы крайне существенными в разработке проблемы пространства послужили исследования Ю. Лотмана, В. Н. Топорова, Е. Кубряковой, Ю. Степанова и др.

Понятие художественного пространства рассматривалось в работах О. Шпенглера, П. Флоренского, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти. Художественное пространство – это феномен, складывающийся под влиянием исторического времени, той культуры, которая существовала в данный период.

Особенно отметим работу Г. Каганова «Санкт-Петербург: образы пространства», где прослеживается история художественного восприятия петербургско-

го пространства. В основном, она посвящена художественной рефлексии живописца в отношении города на Неве, но она оказала значительное влияние при написании настоящей статьи, цель которой – раскрыть феномен конфликтного пространства на примере города Санкт-Петербург, посредством литературных источников, воспоминаний очевидцев и т. д. В задачи автора входило описание некоторых смысловых оппозиций, помогающих представить понятие конфликтного пространства, например: конфликты «двух столиц», «природы и цивилизации», «народа и интеллигенции», «центра и периферии». Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью дополнения понятия конфликтного пространства, выявлением смыслообразующих координат и пониманием его генезиса. Научная новизна заключается в попытке углубить историческую память о Петербурге и дополнить ее современными фактами восприятия городского пространства.

В разные эпохи пространство воспринималось в науке неоднозначно. Абсолютистская концепция складывалась под влиянием работ И. Ньютона и в целом явилась результатом предшествующих натурфилософских, естественнонаучных и философских разработок. Но появление релятивистской концепции, благодаря исследованиям А. Эйнштейна, оказало мощное влияние не только на науку, но и на всю культуру XX в. Основная идея заключается в том, что пространство и время рассматриваются в неразрыв-

ной связи, а пространственно-временные характеристики зависят от системы объектов как предмета физического исследования.

Как правило, в гуманитарных науках проблема пространства связывается с проблемой субъективно-го восприятия действительности, познавательной деятельностью человека. К примеру, М. Мерло-Понти выделяет ряд особенностей восприятия пространств, которые связаны с восприятием его субъектом. Прежде всего, пространство означает определенное обладание миром с помощью тела. Мерло-Понти употребляет термин «пространство» в достаточно широком смысле и говорит об «антропологическом пространстве», «пространстве сновидений», «мифическом пространстве» и т. д.

Можно сказать, что понимание пространства неразрывно связано с мировоззренческой системой конкретной культуры, миропониманием и мироощущением эпохи. Более того, каждая культура создает собственные образы пространства. На него накладываются различные смысловые уровни, которые имеют словесный или визуальный эквивалент, выражаемый в конкретном произведении искусства. Стоит также добавить, что любое художественное произведение есть результат замысла автора, в то же время и результат авторского акта восприятия, его экзистенциальной рефлексии. Однажды известный исследователь творчества Ф. М. Достоевского Дж. Фрэнк заметил, что литература, хоть и не является пластическим искусством, всё же подразумевает пространственное выражение. Хочется согласиться и с мнением Ю. М. Лотмана, считавшего, что «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [1, с. 282].

Обращаясь к вопросам, связанным с формированием и восприятием городского пространства, сталкиваешься с большим объемом научных и художественных текстов. Они имеют разные векторы рефлексии, от психологического воздействия конкретной локации на человека до изменения этого восприятия в связи с историческими событиями. Вероятнее всего, это связано со стремлением человека соотносить свое пространственное окружение с самим собой, пропуская его через призму мировоззрения и ценностных установок. Выражаясь словами Э. Кассирера, «пространство в своей конкретной форме не есть то, чем душа обладает в готовом виде, — оно впервые создается только в процессе сознания, в его общем движении» [2, с. 5]. Добавим также, что пространство города — это особый способ проживания и выживания в нем.

О непостижимой тайне петербургского пространства, его двойственности и неоднозначности впервые заговорил еще Н. И. Анциферов, проводя анализ

литературных текстов Ф. М. Достоевского. А разработанное В. Н. Топоровым понятие «петербургский текст», фиксирующее семиотическое восприятие человеком окружающей действительности, расширило горизонты изучения пространства, как в филологии, так и с точки зрения философско-антропологической тематики. «Пушкин и Гоголь как основатели традиции, — пишет В. Н. Топоров о преломлении петербургского пространства в русской литературе, — Достоевский как ее гениальный оформитель, сведший воедино в своем варианте Петербургского текста свое и чужое, и первый сознательный строитель Петербургского текста как такового; Андрей Белый и Блок как ведущие фигуры того ренессанса петербургской темы, когда она стала уже осознаваться русским интеллигентным обществом; Ахматова и Мандельштам как свидетели конца и носители памяти о Петербурге, завершители Петербургского текста; Вагинов как закрыватель темы Петербурга, «гробовых дел мастер» [3, с. 35]. Петербург, описываемый в литературном творчестве, понимается В. Н. Топоровым как символическое пространство, оно имеет особенное значение и статус, благодаря специфической архитектуре или градостроительному плану, суровому климату и личным судьбам, которые проживались в этих «декорациях».

Петербург начинается с конфликта, как минимум, благодаря победе в Северной войне, стало возможным его безопасное существование. Но еще предстояло, благодаря силе преодоления и человеческой воле, покорение неосвоенной «упрямой» территории. Общим местом является неоднократно транслируемая сложная история рождения города на Неве, связанная с трудностями освоения ландшафта, реализацией грандиозного масштаба петровской идеи. Некоторые исследователи склоняются к тому, что истоки непоколебимого и гордого характера города коренятся именно в его смысловом базисе: этот город возник и выжил вопреки всему.

Безусловно, невозможно не вспомнить здесь конфликт «двух столиц», конфликт не просто территориальный (север-юг), но и смысловой. Уместно процитировать высказывание В. Н. Топорова, который рассуждает о смыслополагании двух столиц и заключает, что «образ Петербурга в Петербургском тексте во многом строится как мифологизированная анти-модель Москвы» [там же, с. 157]. Это замечание будет справедливо не только в отношении «петербургского текста», но и в целом соотносится с задумкой самого Петра Великого. Его воспоминания о стрелецком бунте, навсегда запечатлевшиеся в памяти, сращиваются с воспоминаниями о его детстве, о старорусской Москве, обо всём том, что с большим усердием ему пришлось переделывать в период своего правления. Петербург стал попыткой привить к старому дереву

Руси новый ствол европейской культуры. В этом смысле Петербург, действительно, антипод Москвы, начиная с прямых, а не извилистых улочек, заканчивая идеей «водной», а не «земляной» столицы, если так, конечно, можно выразиться. Вспомним здесь критику Н. Я. Данилевского в отношении деятельности Петра и его больших стараний в обновлении быта русского народа. Как известно, он полагал, что все эти деяния привели к небывалому пиетету перед Западом, к недостойному «европееничанию» со стороны русского человека. Можно по-разному относиться к преобразовательной деятельности Петра, соглашаться или нет с Данилевским, однако здесь также намечается конфликт, расплескавшийся по берегам Невы, – конфликт цивилизаций. Но с уверенностью можно сказать, что город на Неве вобрал в себя колоссальный духовный, политический, социальный опыт, и это привело его к особенному положению среди всех российских городов.

Петербург, как явление по масштабу задумки и ее реализации, не имел аналога в российской истории, ведь он стал олицетворением победы творческой воли над природным хаосом. Поэтому классический конфликт «природы и цивилизации» относительно петербургского пространства, можно сказать, имеет давнюю традицию. Безусловным начинателем этой темы является пушкинский «Медный всадник». Однако взглянем на этот конфликт сквозь призму другого автора и его литературного наследия, а именно А. Грина. Как и Пушкин, он был не петербуржец по происхождению, но совершенно петербуржец по духу. Он жил в городе с 1906 по 1924 г. и тонко ощущал настроения своего времени. Порой его называют самым петербургским писателем, отчего можно смело рассуждать о Петербурге Грина. Идея города у писателя реализуется, как идея антипода природной, естественной жизни, в которую помещается человек. В гриновском рассказе «Земля и вода» 1914 г. петербургский миф представлен эсхатологическим вариантом, в котором тема гибели города поддержана мотивом землетрясения, создающим традиционную ситуацию «хаоса», стремящегося поглотить сотворенный мир. Грин описывает гибель города так, будто описывает гибель огромного неповоротливого корабля (хочется добавить имя «Титаник», затонувшего двумя годами ранее): мы слышим «...воплъ погибающего Петербурга. Фасад серого дома на Адмиралтейском проспекте выгнулся, разорвал скрепы и лег пыльным обвалом, раскрыв клетки квартир, – богатая обстановка их показалась в глубине каждого помещения. Я выбежал на полутемную от пыли Морскую, разрушенную почти сплошь на всём ее протяжении: груды камней, заваливая мостовую, подымались со всех сторон» [4, с. 287].

Воображаемое землетрясение потребовалось автору для нескольких целей: показать контраст личной трагедии в контексте города, а также объективировать контраст несоизмеримых сил человека и природной стихии. У Грина человек, сотворивший каменное искусство городского пространства, от него же и погибает, хаос природы побеждает упорядоченность цивилизации. Эта мысль и в итоге разрешается в сторону поверженной гордыни человека, его непомерных амбиций и страсти к бесконечному возвышению над остальными. В этом смысле пространство гибнущего города выглядит как крушение иллюзий.

Конфликт «социального противоречия», плацдармом для которого стало пространство Санкт-Петербурга, изменил не только город, дав ему другое наименование, но и всю страну. Революция не пощадила никого, она пришла на каждую улицу, в каждый дом, в жизнь каждого человека. «...Весь город от мала до велика, если был не на митингах, то был на улицах, – вспоминал журналист Н. Н. Суханов. – Весь Невский, на всём протяжении, был запружен толпой... Толпа стояла на тротуарах и на мостовой... Никто никуда не спешил; никто не вышел сюда ни за делом, ни для официального торжества. Но все праздновали, и все впервые вышли сюда – на люди, в толпу, на улицу своего города – со своим праздником... Это был совсем новый, еще не виданный Невский, завоеванный народом и превращенный им в свой домашний очаг» [5, с. 480].

Падение одного государственного строя и замена его другим сопровождались богатой творческой активностью. «Улицы – наши кисти. Площади – наши палитры» [6], вспоминая слова В. Маяковского, проступает новое отношение творческого человека к задачам искусства. Метафора поэта реализовалась масштабной деятельностью по оформлению массовых празднеств и представлений, когда стены домов, пространства площадей, небо над головой стали местом художественного воплощения идей. Так город обрел новые краски, в основном алого оттенка, изменил названия улиц, вобрал в себя новые архитектурные проекты, скорректировавшие его пространственные характеристики. Наподобие живого организма, город обретал новые черты под давлением исторических событий и обстоятельств, подстраиваясь под нужды своих жителей. Таким образом, происходило покорение пространства, изменение самой сути жизни в Петербурге.

Всё это связано с формированием нового облика человека, его смысловых координат, ценностных ориентиров. Нужно было изменить пространство его бытования, убрать всё, что когда-то могло быть ценным, значимым и наделить его негативной коннотацией. Н. А. Бердяев отмечал появление среди соотечественников «нового антропологического типа», в

котором уже не было «доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних русских лиц» [7, с. 243]. В строгих субъективных характеристиках философ безжалостно описывает нового советского человека, в этих характеристиках Н. А. Бердяев заложил ту личную боль, которая была порождена революционными событиями.

Как финальный аккорд петербургского периода русской истории выводится образ города в творчестве Б. Пильняка. Впредь это пространство будет иметь статус музея истории под открытым небом, местом «прошлого», а не «настоящего». «Петербург – это город, с точки зрения Пильняка, чуждый русскому национальному самосознанию. Попытка вывести страну в число передовых просвещенных государств Европы, предпринятая Петром I, была изначально обречена на провал и в итоге вызвала революционный взрыв, приведший потрясению всех основ в жизни народа» [8, с. 114].

Приведем еще воспоминания американской анархистки Э. Голдман, которая была выслана в Советскую Россию и приехала в Петроград в начале 1920 г. Она прожила в Петербурге несколько лет накануне Первой мировой войны и сравнивала два города, бывший и нынешний: «...Санкт-Петербург всегда оставался в моей памяти яркой картиной, полной жизни и загадочности. Я нашла Петроград 1920 г. совершенно другим. Он был почти в руинах, словно ураган пронесся через город. Дома походили на старые поломанные гробницы на заброшенном кладбище. Улицы были грязные и пустынные, вся жизнь ушла с них. Люди проходили мимо, похожие на живых покойников» [5, с. 98].

Все эти социальные преобразования породили еще один конфликт – между народом и интеллигенцией. Пролетарий вышел на улицу, а интеллигент, если не поддержал изменений, – ушел в подполье или эмигрировал. Существует такое устойчивое понимание Петербурга в качестве духовной колыбели русской интеллигенции. К примеру, Д. Мережковский называл Петра первым русским интеллигентом. Но, очевидно, на это счет могли быть и другие мнения. Бердяев называл отцом-основателем русской интеллигенции Белинского, а П. Струве приводил имя Бакунина. Но А. Блок сформулировал эту ситуацию проблемно: «Есть действительно не только два понятия, но две реальности: народ и интеллигенция; полтора миллиона с одной стороны, и несколько сот тысяч – с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в основном» [9, с. 436].

Первая и вторая волны эмиграции породили небывалое количество ностальгической поэзии о потерянном городе. Объем написанного о Петербурге действительно обширный. Для эмигрантского художественного сознания северная столица обрела не

только значение конкретной топографической точки, но и осмысливалась как городской текст. Возникает конструкция разделения пространства: здесь и там, своего и чужого, близкого и далекого, мирного и конфликтного. Город для эмигранта мертв, по крайней мере, тот, который был дорог людям, покинувшим его после революции. Для иллюстрации этой мысли приведем стихи Е. Аносовой:

Ну что ж, строитель чудотворный?
Твой конь до грани доскакал:
Ты в выси воздух пьешь тлетворный,
Твой град добычей смерти стал [10, с. 38].

Или еще текст В. Гарднера:

Ты бушуй, красавица-царица,
Гневом обуянная Нева,
Покарай потомков ошалелых!
Ты в отмщении своем права.
Осквернили детище Петрово,
Переименован в Ленинград
Чудный город, плод мечты высокой;
Парадиз мой обратили в ад [там же, с. 28].

Феномен пространства раскрывается здесь как фундаментальное измерение человеческого мира, через оппозиции «живое-мертвое», «свое-чужое», «далекое-близкое». Через образ потерянного города человек пытается «пересобрататься» заново, приобщиться к чему-то знакомому, личному, дорогому и близкому, но теперь навеки утраченному.

Интенсивно проживая все исторические события, городское пространство Петербурга неминуемо преобразуется, наполняется новыми смыслами и культурными кодами. Можно даже сказать, что в одном Петербурге много разных «Петербургов» (петровский, революционный, блокадный, литературный, современный и др.). Пространство пребывания человека мыслится не целиком, а частностями, т. е. на первый план восприятия выдвигается некоторый фрагмент, по отношению к которому человек ориентирует или локализует себя. Следовательно, в отношении Петербурга также встает традиционный конфликт «центра» и «периферии». Жители удаленных от центра территорий могут и вовсе не выбираться в историческую часть города, жить в совершенно ином пространственном измерении, в другой осовремененной реальности. С этой точки зрения подобные городские районы Петербурга (Купчино, Мурино, Кудрово и др.), безусловно, не могут называться Петербургом Пушкина, Достоевского, Блока, так как ни исторически, ни идеологически с ним не связаны.

В этом смысле Петербург, как и любой большой город, неоднороден, полисемантичен, а следовательно, ситуации проживания в нем зависят от локализации жизненных процессов человека. Здесь обнаруживается еще и конфликт «нового и старого»: «евро-

пейский манер» исторического центра города и типовой характер условной «3-й улицы строителей». Сложной градостроительной задачей всегда будет соединение этих двух «миров», тем более если им случается пересекаться в рамках одного проекта. Попытка гармонизировать пространство «старого и нового» – это здание в сердце северной столицы, Мариинский – 2. Успех этого проекта имеет дискуссионный характер, но вопрос примирения «старого и нового» совершенно точно имел место.

Прежде чем подводить некоторые итоги, следует заметить, что в рамках этой работы сознательно были опущены некоторые тематически связанные элементы, раскрывающие понимание конфликтного пространства Петербурга. Это и Петербург Достоевского, Гоголя, Ахматовой, и стойкое сопротивление города в блокадные времена, и отображение городского пространства в музыке и живописи, и многие другие темы. Всё это обширнейшие задачи для масштабного исследования, которое, несомненно, имеет под собой научную актуальность.

В рамках данной работы удалось сформулировать следующие итоги. Во-первых. Говоря о городе как о пространстве, мы имеем в виду разные типы пространств: географическое, историческое, социально-психологическое, все эти пространства в отношении Петербурга глубоко отрефлексированны в русской литературе и дают богатый материал для понимания и анализа представлений о пространстве.

Во-вторых. Писатель, рассказывающий о городе, открывает нам пространство в его смысловых координатах. Главное, он выражает то, что чувствуют или могут ощутить остальные горожане. Именно поэтому читатель узнает типовые образы, смысловые элементы пространства, которые могут оказывать влияние на поведение и восприятие.

В-третьих. В работе были обозначены примеры оппозиций, на которых строится понятие конфликтного пространства. С помощью литературных источ-

ников, воспоминаний и рефлексий были показаны примеры субъективного понимания пространства, его личностного переживания и восприятия. В этом смысле Петербург – это город повышенной знаковости, как для конкретного человека с его личной историей, так и в рамках целого государства.

В результате можно сказать, что существование города на Неве строго диалектично, оно зиждется на противоречиях и конфликте, что является его безусловным преимуществом, так как движет его к беспрестанному становлению и развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М. : Просвещение, 1988. 348 с.
2. Кассирер Э. Философия символических форм. М. : СПб. : Универ. кн. 2002. Т. 1: Язык, 272 с.
3. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное. М. : Прогресс – Культура, 1995. 621 с.
4. Грин А. С. Земля и вода // Грин А. С. Собр. соч. : в 6 т. М. : Правда, 1980. Т. 3. 478 с.
5. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М. : Центрполиграф ; СПб. : Рус. тройка-СПб, 2013. 542 с.
6. Маяковский В. Приказ по армии искусства. URL: <http://v-v-mayakovsky.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st076.shtml>
7. Бердяев Н. А. Самопознание. М. : ДЭМ : Междунар. отношения, 1990. 334 с.
8. Горинова С. Ю. Петербургская тема в творчестве Бориса Пильняка // Петербургский текст : из истории русской литературы 20-х 30-х годов XX века : межвуз. сборник / под ред. В. А. Лаврова. СПб. : Из-во С.-Петербурга. ун-та, 1996. 192 с.
9. Блок А. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л. : Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1960–1963. Т. 5: Проза: 1903–1917. 799 с.
10. Петербург в поэзии русской эмиграции : (первая и вторая волна). – СПб. : Академ. проект : ДНК, 2006. 847 с.

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

*Юрьева А. В., кандидат философских наук, доцент
E-mail: 4alla@bk.ru*

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

*Yurieva A. V., Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
E-mail: 4alla@bk.ru*